

21. Барков А. В. Совершенствование уголовного законодательства Республики Беларусь в контексте усиления борьбы с организованной преступностью // Вестник Межпарламентской ассамблеи. – СПб., 1995. – № 1. – С. 78–79.
22. Уголовный кодекс Республики Молдова / вступ. ст. канд. юрид. наук А. И. Лукашова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003.
23. Информационный бюллетень. – 1995. – № 8. – С. 119, 120–166.
24. Приложение к «Информационному бюллетеню». – 1996. – № 10. – С. 86–213.
25. Звезда. – 1996. – 27 нояб. – № 276.
26. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – № 76. – 2/50.
27. Барков А. Концептуальные основы Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 года // Юстыцыя Беларусі. – 1999. – № 4. – С. 23–28; Барков А., Пташник В. Ретроактивность норм Общей части УК Беларуси 1999 г. // Судовы веснік. – 2000. – № 2. – С. 19–22; Барков А. В., Хомич В. М. Теоретические и прикладные проблемы реформы уголовно-правовой политики в Республике Беларусь // Выбранные навуковыя працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта : у 7 т. – Т. 3 : Юрыспрудэнцыя. Эканоміка. Міжнародныя адносіны / адк. рэд. В. М. Гадуноў. – Мінск : БДУ, 2001. – С. 110–123.
28. Барков А. Тенденции уголовно-правовой политики в Республике Беларусь // Веснік БДУ. – Сер. 3. – 2005. – № 3. – С. 103–107; Он же. Уголовный кодекс Республики Беларусь: пять лет в действии // Юстиция Беларуси. – 2005. – № 12. – С. 38–42.
29. Волженкин Б. В. Новый Уголовный кодекс Республики Беларусь // Известия вузов. Правоведение. – СПб., 2000. – № 6. – С. 140–152.
30. Кузнецова Н. Ф. Новый Уголовный кодекс Республики Беларусь // Вестник Московского университета. Сер. II. Право. – 2000. – № 3. – С. 3–14.

Поступила в редакцию 27.03.2014

УДК 343.1

Л. Л. Зайцева

МЕСТО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК КРИТЕРИЙ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Статья посвящена изучению одного из признаков, с помощью которого устанавливается территориальная подведомственность уголовного дела определенному органу предварительного следствия или суду. На основе анализа научных представлений, законодательства Республики Беларусь, исторического и зарубежного опыта раскрывается содержание понятия «место совершения преступления», его материально-правовое и процессуальное значение, дается характери-

стика вспомогательных признаков уголовного дела, влияющих на определение его подследственности и подсудности. Делается вывод о том, что место совершения преступления является универсальным и объективным критерием подведомственности уголовных дел, который основан на принципе целесообразности, процессуальной экономии и способствует реализации права граждан на доступ к правосудию.

The article is concerned with the research of one of criminal case indications, whereby territorial jurisdiction of court or preliminary investigation body is determined. On the bases of scientific research, legislation of the Republic of Belarus, historical and foreign experience the term «crime scene» is discovered, it's criminal and criminal procedural meaning is shown, a characteristic of background features of a criminal case that influence on it's investigative jurisdiction or cognizance. The author concluded, that a crime scene is a universal and subjective criterion of criminal cases jurisdiction which is based on expediency and procedural economy and contributes enforcement of the right for access to justice.

Ключевые слова: подведомственность в уголовном процессе; подсудность уголовных дел; подследственность; место совершения преступления; место окончания предварительного расследования; место нахождения участников уголовного процесса.

Keywords: jurisdiction in criminal procedure; cognizance of criminal case; investigative jurisdiction; crime scene; place of completion of preliminary investigation; location of criminal trial participants.

Подведомственность в уголовно-процессуальном праве – это закрепленная в законе система полномочий органов уголовного преследования и суда по осуществлению предварительного расследования и судебного разбирательства определенного круга дел. Подведомственность устанавливается на основании совокупности критериев (признаков), характеризующих данное уголовное дело [1, с. 279–281; 2, с. 244–246].

К основным критериям подведомственности уголовных дел относятся, прежде всего, такие юридические свойства общественно опасного деяния, которые определяют квалификацию преступления, а также вид и размер наказания, предусмотренного за его совершение законом. Однако с помощью указанных объективных критериев можно определить лишь вид и уровень юрисдикционного органа, которому подведомственно данное уголовное дело, т. е. его групповую принадлежность. Например, должностным лицам Следственного комитета Республики Беларусь или следователям органов государственной безопасности, районному или областному суду.

Для того чтобы индивидуализировать подведомственность, т. е. выбрать из множества одноуровневых, одинаковых по юрисдикции одноименных органов тот единственно возможный, который должен расследовать или рассматривать данное уголовное дело по первой инстанции, необходимы иные критерии. Таковыми выступают не юридические, а фактические свойства общественно опасного деяния, среди которых главную роль играет место совершения преступления (далее – МСП). Поэтому его часто называют местным или территориальным признаком подведомственности, а И. Я. Фойницкий применительно к судебной компетенции именовал его индивидуальной подсудностью. Выражение «местная подсудность» он употреблял в смысле подсудности дела индивидуально определенному суду, суду данной местности [3, с. 126].

Понятие МСП используется в доктрине уголовного права в рамках двух учений – о действии уголовного закона в пространстве и о составе преступления. При этом в каждом из названных учений понятие МСП имеет свое специфическое значение, почти никак не связанное с содержанием данного понятия в рамках другого учения. Создается впечатление, будто речь идет о разных правовых категориях. Так, в рамках учения о действии уголовного закона в пространстве МСП определяется при применении территориального принципа, согласно которому наказание за общественно опасное деяние должно назначаться по закону места его совершения. В учении о составе преступления место его совершения рассматривается как признак объективной стороны общественно опасного деяния, причем вне всякой его связи с учением о пространственных пределах действия уголовного закона [4, с. 120–121].

Таким образом, МСП является существенной уголовно-правовой характеристикой общественно опасного деяния и должно изучаться с позиции двух взаимосвязанных аспектов этого понятия. В широком смысле МСП – это часть физического пространства, территория, на которую распространяется юрисдикция того или иного государства. В узком – пространственная характеристика преступления, непосредственно указанная или подразумеваемая в диспозициях уголовно-правовых норм и влияющая на квалификацию преступления и индивидуализацию уголовной ответственности и наказания.

Уголовно-правовое значение МСП в его узком смысле выражается в том, что оно может выступать:

1) основным либо квалифицирующим признаком объективной стороны состава преступления. Например, действия, дезорганизующие работу мест лишения свободы, могут оцениваться как преступление, если они совершены в местах отбывания наказания в виде лишения свободы (ч. 1 ст. 410 Уголовного кодекса Республики Беларусь – далее УК). В качестве квалифицирующего признака МСП определяется, например, в ч. 2 ст. 205 УК (кража с проникновением в жилище), ч. 2 ст. 282 УК (незаконная охота на территории заповедника, национального парка, заказника, в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной ситуации). Однако таких случаев в уголовном законе не так уж много;

2) факультативным признаком объективной стороны состава преступления, когда МСП не используется при ее описании. Такое наблюдается в большинстве статей Особенной части УК;

3) обстоятельством, влияющим на степень общественной опасности деяния в качестве компонента смягчающих либо отягчающих ответственность обстоятельств [5, с. 8].

Более важную роль МСП приобретает в уголовном процессе. Именно этот признак определяет территориальную (местную) или индивидуальную подведомственность уголовного дела, т. е. тот юрисдикционный орган, который должен проводить по нему предварительное расследование или судебное разбирательство. Ведь согласно еще принципу римского права *forum delicti commissi* осуществлять уголовное преследование и наказывать преступников компетентен только суд места совершения данного общественно опасного деяния. Вот почему МСП наряду с другими обстоятельствами подлежит доказыванию при производстве по любому уголовному делу (п. 1 ч. 1 ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь – далее УПК), даже когда этот признак не влияет на квалификацию содеянного.

В соответствии со статьями 184 и 271 УПК предварительное расследование и судебное разбирательство проводятся по месту совершения преступления. Таким образом, этот признак позволяет разграничить подведомственность уголовных дел между одноименными органами следствия и судами в зависимости от той территории, на которую распространяется их юрисдикция. Границами этой территории обычно являются границы района, города, области, республики, т. е. определенной административно-территориальной единицы.

Предварительное расследование и судебное разбирательство уголовных дел по месту совершения общественно опасного деяния оказывают существенное влияние на процессуальную деятельность. Такой порядок обеспечивает наиболее быстрое, полное собирание и проверку доказательств, поскольку орган следствия и суд находятся ближе к месту происшествия, к следам преступления. Как правило, в месте производства по уголовному делу проживает большинство обвиняемых, свидетелей, потерпевших, поэтому органу, ведущему уголовный процесс, легче обеспечить их явку на допросы. Следователь и суд хорошо знают местные обычаи, условия жизни, работы и быта, могут в определенной степени учесть их при предварительном расследовании и судебном разбирательстве данного уголовного дела. Кроме того, рассмотрение дела вблизи МСП всегда обеспечивает наибольший предупредительный эффект судебного процесса, так как на нем присутствует публика, проявляющая повышенный интерес к разрешению дела. Как справедливо указывал В. К. Случевский, даже приговоры обнаруживают большую силу репрессивности в той местности, где совершалось преступление [6, с. 329].

Вопрос о том, что следует считать МСП в различных ситуациях, относится к числу дискуссионных. Основной причиной тому является отсутствие как в УК Республики Беларусь, так и в УК Российской Федерации прямого указания на то, что же такое МСП. В этом плане законодатель весьма нелогичен, так как, не сказав ни слова о МСП, он тем не менее посвятил целую статью (ст. 9 УК) вопросам времени совершения преступления. В связи с этим некоторые специалисты предлагают при определении МСП руководствоваться положениями о времени совершения преступления, поскольку в философии пространство и время рассматриваются как неотделимые друг от друга категории [7, с. 180]. В соответствии с ч. 1 ст. 9 УК временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного деяния независимо от времени наступления его последствий. Поэтому, исходя из данной нормы, многими авторами МСП определяется аналогичным образом: как место осуществления общественно опасного действия (бездействия) независимо от места наступления его последствий [8, с. 70].

Однако в теории и судебно-следственной практике определение МСП не вызывает особых трудностей лишь в тех случаях, когда место совершения общественно опасного деяния и место наступления его последствий совпадают. В этих условиях местом совершения пре-

ступления признается то место, где было совершено общественно опасное деяние и наступили его преступные последствия. Местом совершения *формальных составов преступлений* является то место, где совершены общественно опасные действия (бездействие) или где окончилось их совершение. Этот вывод следует из уголовного закона, который считает объективной стороной таких составов сам факт совершения преступных действий независимо от наступления общественно опасных последствий.

В научной литературе возникают споры при определении места совершения *материальных составов преступлений*, когда не совпадают места совершения общественно опасных действий (бездействия) и наступления преступных последствий. Одни авторы полагают, что в этом случае местом совершения преступления будет то, где совершены сами действия, приведшие к наступлению преступного результата [3, с. 132; 9, с. 17], другие исследователи местом совершения преступления считают место наступления общественно опасных последствий [10, с. 218]. Например, смерти потерпевшего по делу об убийстве. При этом последние основывают свой вывод на том, что преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного УК. Таким образом, к МСП они относят лишь ту территорию, на которой преступление было окончено [11, с. 43].

Следует согласиться с теми процессуалистами, которые признают местом совершения преступления то место, где совершены и окончены все преступные действия либо где по закону их следовало совершить (при преступном бездействии), независимо от того, где наступили общественно опасные последствия [3, с. 133; 12, с. 33; 13, с. 10]. Этой позиции придерживается и Верховный Суд РФ [14, с. 18].

Таким образом, предварительное расследование и судебное разбирательство уголовных дел о преступлениях как с формальным, так и с материальным составом проводится по общему правилу в том месте, где окончено деяние, вне зависимости от места наступления преступных последствий. Место окончания деяния определяется территорией, на которой совершено последнее действие, входящее в объективную сторону состава преступления, или на которой должны были быть совершены действия при преступном бездействии.

Это правило закреплено в белорусском законодательстве лишь применительно к подсудности уголовных дел. Так, если преступление начато в месте деятельности одного суда, а окончено в месте деятель-

ности другого суда, то дело подсудно суду по месту окончания преступления (ч. 2 ст. 271 УПК). Аналогичная норма содержится и в ч. 2 ст. 32 УПК РФ. Однако при определении места производства предварительного расследования указанное правило в белорусском УПК отсутствует, хотя никаких принципиальных различий от определения подсудности в данном случае не усматривается. Российский законодатель справедливо распространил данное правило и на подследственность. Так, в ч. 2 ст. 152 УПК РФ записано, что если преступление было начато в одном месте, а окончено в другом месте, то уголовное дело расследуется по месту окончания преступления. Думается, что аналогичное указание следует включить и в ст. 184 УПК Республики Беларусь, устанавливающую место производства предварительного расследования.

Известную трудность представляет определение МСП в длящихся и продолжаемых преступлениях. Так, существует мнение, что местом совершения *длящихся преступлений* (например, дезертирства) является та территория, на которой преступное состояние было прекращено по тем или иным причинам [15, с. 266; 16, с. 31]. Такое решение вопроса предусматривалось в УПК некоторых бывших советских республик. Другие авторы местом совершения такого преступления предлагают считать любое место, где в течение какого-то времени осуществлялось это преступление [10, с. 223].

Наиболее обоснованной представляется позиция тех, кто признает местом совершения длящегося преступления то место, где оно началось. Иными словами, где были совершены действия, с которых началось преступное состояние [3, с. 133; 12, с. 33–34]. Думается, что именно такое решение вопроса соответствует следственной практике. Ведь о совершенном длящемся преступлении в подавляющем большинстве случаев становится известно прежде всего тем органам уголовного преследования, которые находятся в месте, где это деяние начиналось. Поэтому и возбуждается оно по месту начала осуществления преступных действий. При этом очевидно, что орган, возбудивший уголовное дело, не может предугадать, где виновный будет задержан или куда он явится с повинной.

В литературе по-разному определяется также место совершения *продолжаемых преступлений* (например, истязания). Поскольку до завершения продолжаемого преступления отдельные преступные действия (эпизоды) не имеют самостоятельного юридического значения, то нельзя считать в правовом смысле местом совершения пре-

ступления любое место, где были совершены эти отдельные эпизоды. Коль скоро продолжаемое преступление заканчивается совершением последнего акта преступного действия, то и МСП следует считать место учинения этого последнего эпизода преступного поведения [3, с. 133; 12, с. 33–34; 16, с. 31]. Такой вывод обосновывается также тем, что именно в этот момент обнаруживается совершение данного преступления. Последним преступным действием он является потому, что государственные органы или граждане, обнаружив этот факт, принимают меры к пресечению дальнейшего продолжения этого преступления. Органы дознания или следствия, получив такое сообщение, решают вопрос о возбуждении уголовного дела. Процессуальное значение определения места совершения продолжаемого преступления по месту совершения последнего преступного акта состоит в том, что дает возможность органам уголовного преследования быстро возбудить уголовное дело, своевременно расследовать и рассмотреть его и исключает всякие споры о подследственности и подсудности.

Неодинаково учеными и практиками определяется МСП и в случаях, когда речь идет о *соучастии в преступлении*, в котором каждый из соучастников выполнял свою роль в различных административно-территориальных единицах. Отдельные авторы местом совершения преступления при таких условиях определяют то, где «соучастниками были выполнены их деяния <...> или территорию, где наступил результат преступного деяния или где он должен был наступить» [17, с. 122–123]. Однако в этом случае получается, что мест совершения преступления в соучастии может быть несколько: одно, где действовал организатор, другие – где находился подстрекатель или пособник, третьи – где совершил свои действия исполнитель [12, с. 36].

При решении данной проблемы необходимо исходить из самого понятия соучастия. В уголовно-правовой литературе справедливо указывается, что «особенность вопроса об основании ответственности соучастников при сложном соучастии заключается в том, что только исполнитель выполняет действия, непосредственно образующие состав преступления. Другие соучастники этих действий непосредственно не выполняют» [18, с. 213]. Состав конкретного преступления образуется только действиями исполнителя, хотя именно благодаря совместным усилиям всех соучастников наступает преступный результат. Пока не совершены какие-либо действия исполнителем, практически невозможно обнаружить сам факт преступления, совершенного в соучастии. Только после действий исполнителя появится

преступное деяние, при расследовании которого будут выявлены и другие соучастники [12, с. 36–37].

Еще дореволюционные процессуалисты, исследуя вопрос о подсудности, указывали, что «в случаях соучастия, ввиду того, что юридический характер преступного деяния определяется учиненным исполнителями, место совершения деяния будет определяться для всех соучастников не местом учинения соучастником совершенного им деяния, но местом учинения самого преступного деяния исполнителем» [6, с. 331]. Поэтому представляется справедливым считать МСП в соучастии то место, где исполнитель совершил и окончил свои общественно опасные действия [5, с. 37; 10, с. 220–221; 16, с. 34].

Наконец, при определении МСП возникают известные сложности в тех случаях, когда имело место *приготовление* к преступлению или *покушение* на преступление на одной территории, а общественно опасные последствия должны были наступить на другой территории, но по независящим от воли виновного обстоятельствам не наступили. В этих случаях МСП является та территория, где были закончены приговорительные действия или действия, направленные на совершение преступления. Поэтому предварительное расследование и судебное разбирательство дела должно производиться теми государственными органами, которые находятся по месту окончания совершения указанных действий. Если же преступные действия начаты в одной административно-территориальной единице, а завершены в другой, то МСП следует считать ту территорию, где эти действия закончены, поскольку более поздняя стадия совершения преступления всегда поглощает предыдущую [12, с. 38].

Таким образом, точное установление МСП дает возможность правильно определить индивидуальную подведомственность, т. е. установить, какой именно орган дознания, следователь или суд (какого района, области и т. п.) должны осуществлять производство по данному уголовному делу.

Следует отметить, что не всегда при возбуждении уголовного дела может быть сразу известно МСП. Однако это обстоятельство не должно служить препятствием к возбуждению уголовного дела и его расследованию. Закон обязывает органы уголовного преследования в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления (ч. 1 ст. 27 УПК). В данной норме законодатель показывает, что место обнаружения преступления и МСП не всегда совпадают. Поэтому иногда встречающиеся на

практике споры в этот начальный момент расследования из-за неизвестности МСП являются недопустимыми и противоречащими закону.

Наряду с таким основным критерием, каким является МСП, белорусский законодатель предусматривает и ряд *вспомогательных (факультативных) признаков*, определяющих индивидуальную подведомственность уголовного дела.

Так, в случае, если МСП невозможно определить, то предварительное расследование производится *по месту его обнаружения или выявления* (ч. 1 ст. 184 УПК). Такое же правило содержится в УПК Республики Казахстан (ч. 2 ст. 193) и УПК Украины (ч. 3 ст. 218). При этом местом обнаружения общественно опасного деяния следует считать все те места, где преступные действия не совершались. Если места совершения и обнаружения совпадают, то в данном случае они охватываются единым процессуальным критерием – МСП. Следовательно, место обнаружения преступления для определения подсудственности будет иметь значение только тогда, когда преступление обнаружено в одном районе, а преступные действия совершались в другом. Именно в этих случаях органы дознания и следствия по месту обнаружения преступления обязаны возбудить и расследовать уголовное дело. И только после установления МСП они вправе передать это уголовное дело надлежащему органу по подсудственности или принять решение о продолжении расследования.

Предварительное расследование уголовного дела по месту обнаружения или раскрытия преступления предусматривалось и в уголовно-процессуальном законодательстве советского периода. В УПК некоторых союзных республик для определения места предварительного расследования использовался и такой вспомогательный признак, как место наступления преступных последствий. По мнению некоторых авторов, данный признак представляет собой частный случай обнаружения преступления, так как место наступления преступных последствий охватывается этим понятием [12, с. 40]. Применение указанных вспомогательных критериев допускалось и при определении подсудности уголовных дел. Так, в ряде республик разрешалось рассмотрение уголовного дела в суде по месту обнаружения преступления либо по месту наступления его последствий.

Это свидетельствует о том, что неизвестность МСП влияет и на определение подсудности уголовного дела. Если МСП определить невозможно, то дело рассматривается судом *по месту окончания предварительного расследования* (ч. 3 ст. 271 УПК). Такое решение

вопроса оправдано тем, что если после возбуждения уголовного дела одним органом оно передается для дальнейшего расследования в другой орган, то наиболее правильно и целесообразно рассмотреть данное дело в суде того района, где оно заканчивается расследованием, а не пересылать его обратно в район, где оно было возбуждено. Тем более что обычно обвиняемый и основные доказательства находятся в том месте, где заканчивается предварительное расследование. Этот вспомогательный критерий существовал в ранее действовавшем законодательстве и применяется сегодня на постсоветском пространстве (ч. 1 ст. 32 УПК Украины, ч. 3 ст. 294 УПК Республики Казахстан).

Данное правило действует и при соединении уголовных дел по обвинению одного лица либо группы лиц в совершении нескольких преступлений в разных административно-территориальных единицах. Согласно ранее действовавшему законодательству, если эти преступления были подсудны двум или нескольким судам, то объединенное дело подлежало рассмотрению тем из них, в районе деятельности которого было закончено предварительное следствие или дознание, т. е. по месту окончания предварительного расследования. И только УПК Украинской ССР разрешал рассматривать его также в том суде, в районе которого было возбуждено уголовное дело.

Применение такого безальтернативного критерия определения подсудности при соединении уголовных дел приводило на практике к перегрузке тех судов, на территории которых располагались одновременно несколько следственных органов различного уровня. В результате местом окончания расследования многих соединенных дел являлся один район (город), где находились соответствующие следственные подразделения.

Впоследствии российский законодатель первый отказался от применения указанного критерия и в УПК РФ 2001 г. ввел новый, более гибкий признак, по которому определяется и подсудность, и подсудность в случае соединения уголовных дел. Если преступления совершены в разных местах, то все уголовное дело расследуется и рассматривается судом по месту совершения большинства преступлений или наиболее тяжкого из них (ч. 3 ст. 32, ч. 3 ст. 152 УПК РФ).

Однако иногда решить вопрос о подведомственности на основании только последнего признака невозможно – например, если в разных местах совершено равное число преступлений одинаковой тяжести. Тогда может возникнуть ситуация, при которой дело станет одновременно подсудно нескольким одноименным судам. В соответствии с

определением Конституционного Суда РФ от 13 апреля 2000 г. № 69-О по запросу Московского областного суда о проверке конституционности ст. 421 УПК РСФСР, если уголовное дело по тем или иным основаниям подсудно нескольким одноименным судам, оно подлежит рассмотрению в том суде, в районе деятельности которого было окончено предварительное следствие [19].

В УПК Республики Беларусь новый дополнительный критерий территориальной подведомственности появился в 2003 г. наряду с сохранением прежнего, но применяется только при определении подсудности. Так, если преступления совершены в разных местах, то дело рассматривается судом по месту окончания предварительного расследования, либо *по месту совершения одного из преступлений, последнего или наиболее тяжкого из них* (ч. 2 ст. 271 УПК). Применение данного признака дает возможность оптимального выбора того суда, который по нагрузке и уровню квалификации в состоянии рассмотреть данное уголовное дело. Считаем, что имеются все основания распространить указанный критерий и на подсудственность уголовных дел. Это позволит регулировать объем работы органов предварительного расследования и обеспечить более квалифицированное его проведение по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях.

Необходимо отметить, что указанное решение вопроса о подсудности при совокупности преступлений было свойственно еще Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. Здесь вступало в силу «право суда, компетентного на производство дела об одном обвинении... приступить к рассмотрению предъявленных против того же подсудимого прочих обвинений, в обыкновенном порядке этому суду неподсудных» [3, с. 145]. Так, при совокупности преступных деяний, совершенных в разных судебных округах, дело производилось тем судом, в ведомстве коего было совершено важнейшее из них, а если они одинаковой важности, то тем судом, который ближе к месту задержания обвиняемого (ст. 211 Устава уголовного судопроизводства). Под местом важнейшего преступления подразумевался участок или округ суда, в котором тем же подсудимым было учинено деяние, наиболее тяжело наказуемое. Следуя общему правилу, тяжесть наказания определялась по высшему из наказаний в законе, положенных за данное деяние [3, с. 146–147]. Определение подсудности при соединении уголовных дел по месту совершения последнего преступления или наиболее тяжкого из них применялось и в советском законодательстве до конца 1950-х гг. После принятия новых УПК союзных респуб-

лик, которые от этого признака отказались, подсудность при соединении уголовных дел стала определяться исключительно местом окончания предварительного расследования.

Интересно, что данный вспомогательный критерий подсудности применяется и в международном праве. Так, согласно ст. 77 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанной 22 января 1993 г. в г. Минске, при обвинении одного или группы лиц в совершении нескольких преступлений, дела о которых подсудны судам двух и более стран, рассматривать дело должен суд того государства, на территории которого окончено предварительное расследование об этих преступлениях [20].

Еще одним вспомогательным критерием территориальной подсудности уголовных дел согласно действующему законодательству является место нахождения подозреваемого, обвиняемого или большинства свидетелей (ч. 2 ст. 184 УПК Республики Беларусь; ч. 4 ст. 152 УПК РФ; ч. 2 ст. 193 УПК Республики Казахстан; ч. 3 ст. 218 УПК Украины). При этом МСП известно, но в интересах целесообразности, т. е. обеспечения быстрого, всестороннего и полного исследования обстоятельств уголовного дела, его предварительное расследование проводится *по месту нахождения определенных участников уголовного процесса*. Исходя именно из этих соображений в судебной практике нередко имеет место передача уголовного дела из суда, которому оно подсудно, в другой одноименный или вышестоящий суд, хотя ст. 274 УПК не раскрывает оснований принятия такого решения и критериев выбора другого суда. Судебное разбирательство по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей было возможно по УПК ряда союзных республик. А в Киргизской ССР также разрешалось рассматривать уголовное дело в суде по месту работы обвиняемого. В настоящее время в Республике Беларусь данный вспомогательный критерий для определения территориальной подсудности не применяется, а действует лишь в особом порядке, установленном ст. 274 УПК.

Место нахождения подозреваемого или обвиняемого определяется или местом постоянного жительства, или местом временного пребывания, как добровольного, так и принудительного в связи с применением меры пресечения. В последнем случае имеется в виду также место нахождения следственного изолятора при заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу. Постоянное или вре-

менное место жительства – это место фактического проживания, которое может и не совпадать с местом официальной регистрации лица.

Подведомственность по месту постоянного пребывания обвиняемого во многих случаях может быть весьма полезной для органов уголовного преследования, потому что здесь легче обнаружить сведения о прежнем поведении этого лица, собрать данные о его деятельности, предшествовавшей преступлению. Нередко определение подведомственности дела на основании данного критерия может быть и в интересах защиты, поскольку обвиняемый вправе рассчитывать на более правильную оценку его действий там, где известно его безупречное прошлое, чем в местности, ему чужой и совершенно незнакомой.

Возможно, что отдельные дела, по которым не требуется вызов свидетелей, желательно расследовать и рассматривать не по месту совершения преступления, а по месту нахождения обвиняемого. Однако неявка последнего по вызову без уважительных причин в орган уголовного преследования или в суд, как указывал еще Верховный Суд СССР, не может служить основанием для передачи дела по месту жительства этого лица. В этом случае следует применять меры, обеспечивающие его явку в тот орган, которому подведомственно данное дело по основному критерию – месту совершения преступления [10, с. 287].

Перечисляя в ч. 2 ст. 184 УПК участников процесса, по месту нахождения которых допускается расследование уголовного дела, законодатель не указывает среди них потерпевшего. Между тем некоторые категории дел целесообразно расследовать и рассматривать не по месту совершения преступления, а по месту нахождения лица, которому нанесен вред этим общественно опасным деянием. Например, по делам об уклонении родителей от содержания детей (ст. 174 УК) вред причиняется не по месту неуплаты алиментов, т. е. месту работы или жительства обвиняемого, откуда он должен высылать алименты, а по месту жительства его детей, которые не получают деньги и являются потерпевшей стороной. В связи с этим было бы логичным дополнить ч. 2 ст. 184 УПК указанием на то, что предварительное расследование может производиться и по месту нахождения потерпевшего.

Впрочем, можно поступить так, как российский законодатель в п. «б» ч. 1 ст. 35 УПК РФ. Не перечисляя всех субъектов, по месту нахождения которых допускается расследовать или рассматривать дело, указать: «В целях обеспечения наибольшей быстроты, объективности и полноты исследования обстоятельств уголовного дела предварительное расследование и судебное разбирательство может

производиться по месту нахождения участников уголовного процесса, если не все из них проживают на территории, на которую распространяется юрисдикция данного органа дознания, следствия или суда».

Вместе с тем нельзя не отметить, что этот вспомогательный признак подведомственности носит достаточно субъективный характер, поскольку интересы одних участников процесса могут противоречить интересам других.

Полагаем, что в качестве основных критериев территориальной подведомственности должны выступать только объективные признаки преступления, а вспомогательными критериями могут являться лишь юридические признаки уголовного дела. Поэтому место нахождения участников уголовного процесса может приниматься во внимание только в исключительных случаях при изменении установленной законом территориальной подведомственности уголовного дела на основании мотивированного решения Генерального прокурора Республики Беларусь (ч. 5 ст. 182 УПК) или постановления председателя вышестоящего суда (ч. 2 ст. 274 УПК).

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

- место совершения преступления является универсальным объективным критерием территориальной (индивидуальной) подведомственности, поскольку применяется для разграничения полномочий как между одноименными органами следствия по расследованию уголовных дел, так и между одноименными судами по их рассмотрению по первой инстанции;
- вспомогательные признаки, которые применяются для определения территориальной подследственности и подсудности (ст. 184 и ст. 271 УПК), требуют унификации в законе с целью создания равных возможностей для выбора того органа, который в состоянии расследовать и рассмотреть данное уголовное дело;
- распределение уголовных дел между одинаковыми по юрисдикции органами в зависимости от места совершения преступления основано на принципе целесообразности и процессуальной экономии, который должен обеспечивать осуществление расследования и судопроизводства в оптимальные сроки, с наименьшими материальными и организационными затратами как для государства, так и для участников процесса, способствовать реализации права граждан на доступ к правосудию и проведению судебного разбирательства в условиях непосредственности и гласности.

Библиографические ссылки

1. *Зайцева Л. Л.* Понятие и значение подведомственности уголовных дел // *Право и демократия* : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2003. – Вып. 14. – С. 269–285.
2. *Зайцева Л. Л.* Критерии подведомственности уголовных дел // *Право и демократия* : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2005. – Вып. 16. – С. 238–251.
3. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / общ. ред., послесл., примеч. А. В. Смирнова. – СПб. : Альфа, 1996. – Т. 2 : Уголовный процесс.
4. *Бойцов А. И.* Выдача преступников. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004.
5. *Акоев К. Л.* Место совершения преступления и его уголовно-правовое значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 1989.
6. *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса : в 2 ч. / общ. ред., предисл. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2008. – Ч. I : Судостроительство.
7. *Расулов Р. В.* Некоторые спорные вопросы определения места совершения преступления // *Актуальные проблемы российского права*. – 2011. – № 4. – С. 178–183.
8. *Уголовное право России. Практический курс : учебник / под ред. А. В. Наумова*. – М. : Волтерс Клувер, 2010.
9. *Порцева О. Б.* Подсудность уголовных дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. – Ижевск, 2004.
10. *Дурманов Н. Д.* Советский уголовный закон. – М. : Госюриздат, 1967.
11. *Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. А. С. Михлина*. – М., 2004.
12. *Зинатуллин З. З., Салахов М. С., Чулюкин Л. Д.* Подследственность уголовных дел. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1986.
13. *Салахов М. С.* Подследственность в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Казан. гос. ун-т. – Казань, 1972.
14. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за I квартал 2001 г. по уголовным делам // *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации*. – 2001. – № 10. – С. 17–19.
15. *Уголовный процесс / под ред. М. А. Чельцова*. – М. : Юрид. лит., 1969.
16. *Гусев Л. Н.* Подсудность уголовных дел. – М. : Госюриздат, 1955.
17. *Курс советского уголовного права. Общая часть*. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – Т. I.
18. *Советское уголовное право. Общая часть*. – М., 1961.
19. *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2000. – № 24. – Ст. 2657.
20. *Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь*. – 1993. – № 28. – Ст. 375.
21. *Смолицкий Г. Р., Шифман М. Л.* Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР. – М. : Госюриздат, 1948.

Поступила в редакцию 22.05.2014